

В. Д. Смирнов

**Кучибей Гомюрджинский и другие османские
писатели XVII века, о причинах упадка
Турции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. Д. Смирнов**
Кучибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века, о причинах упадка Турции / В. Д. Смирнов – М.: Книга по Требованию, 2016. – 284 с.

ISBN 978-5-458-01828-9

ISBN 978-5-458-01828-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нужно брать источниками этого понятія продукты жизни и дѣятельности того же самаго народа. Поэтому также, чтобы понять и турковъ, ихъ «надо изучать по собственнымъ ихъ писаніямъ», какъ говоритъ опять Сенковскій. Онъ же сдѣлалъ первый шагъ въ этомъ направленіи, напечатавъ въ 1842 году въ «Библіотекѣ для чтенія» разсказъ Ресми-Ахмеда-эфенди. «Совѣ достопримѣчательнаго» (такъ называется этотъ разсказъ) вторично былъ напечатанъ имъ въ томъ же журналѣ въ 1854 году, «удовлетворяя, какъ говоритъ переводчикъ въ предисловіи, настоящему требованію публики» ¹⁾. Но чтó это было за настоящее требованіе публики? Все что угодно, только никакъ не серьезное желаніе узнать турковъ изъ ихъ собственныхъ писаній; а, вѣрнѣе, результатъ той же предразсудочности нашихъ отношеній къ туркамъ, противъ которой вооружался Сенковскій. Чтобы слова мои не показались парадоксомъ, стоитъ только припомнить, что это было въ 1854 году, когда мы воевали съ турками и, какъ водится, тѣшили себя разными, словесными и изобразительными, выходками насчетъ нашихъ противниковъ; когда въ печати распространялись какія-то, Богъ вѣсть откуда взятыя, предсказанія турецкихъ пророковъ объ имѣющемъ рано или поздно совершиться взятіи Константинополя русскими. Съ этой точки зрѣнія, и вторичное появленіе въ печати, весьма, впрочемъ, назидательнаго, разсказа Ресми-Ахмеда-эфенди было такою же издѣвкой, если не со стороны издателя, то во всякомъ случаѣ со стороны читавшей публики: вотъ, молъ, какъ турка смѣется надъ турками же! Нелѣпость подобныхъ отношеній въ чуждому, хотя бы и враждебному, народу очевидна, хотя легче замѣчается со стороны, на другихъ, нами, напри- мѣръ, на нѣмцахъ, творившихъ недавно относительно

¹⁾ Библ. для Чтенія Т. 324, стр. 2.

французовъ то же что мы дѣлали двадцать лѣтъ тому назадъ относительно турокъ. Темныя стороны въ жизни какъ отдѣльнаго человѣка такъ и цѣлаго народа не столько смѣшны, сколько, скорѣе, поучительны; изученіе причинъ разстройства и паденія государствъ не менѣе существенно и плодотворно чѣмъ изслѣдованіе существовавшихъ и существующихъ, а также изысканіе новыхъ, способовъ цвѣтущаго положенія и благосостоянія ихъ: чтобы поддерживать жизнь здороваго, и возстановлять и укрѣплять силы больного человѣка, медицина должна анатомировать и подвергать всевозможнымъ изслѣдованіямъ и наблюденіямъ — трупы.

Кромѣ упомянутаго труда Сенковскаго да перевода другаго сочиненія Ресми-Ахмеда-эфенди, сдѣланнаго В. В. Григорьевымъ, кажется, ничего нѣтъ у насъ по части изученія турковъ по собственнымъ ихъ писаніямъ, хотя въ нашей литературѣ не перестаютъ отъ времени до времени появляться журнальныя статьи посвященныя Турціи, и главнымъ образомъ направленныя на политическій бытъ ея, какова, напримѣръ, статья г. Щебальскаго «Турція и ея реформы по отношенію въ Россіи»¹⁾, но основанныя однако же на источникахъ, авторитетъ которыхъ довольно сомнителенъ. Какъ изъ смысла этой статьи, такъ и множества случайныхъ замѣтокъ, которыя безпрестанно попадаютъ въ сочиненіяхъ по политикѣ и исторіи и въ политическихъ отдѣлахъ журналовъ, выходитъ, что слабость и крайній упадокъ Турціи въ настоящее время сдѣлались общепризнаннымъ фактомъ, который принимается за аксіому всякій разъ когда заходитъ рѣчь о внутреннемъ бытѣ этого государства и его внѣшнихъ международныхъ отношеніяхъ; словомъ, Турція—это если не трупъ въ политическомъ смыслѣ, то, во всякомъ слу-

¹⁾ Русскій Вѣстникъ, январская книжка 1870 года.

чаѣ, организмъ готовый скоро стать трупомъ; дни Турціи сочтены; существованіе ея признается только какъ бы временнымъ; ей уже прочитана отходная: «Nullum remedium agit in cadaver», сказалъ относительно нея г. Сеніоръ ¹⁾).

Это воззрѣніе публицистовъ на теперешнее незавидное положеніе Турціи, при несуществованіи данныхъ для безусловнаго его отрицанія, наводитъ однако же всякаго мыслящаго человѣка на слѣдующій вопросъ: неужели сами турки не понимаютъ положенія своего государства и безучастно смотрятъ на предстоящую судьбу его, такъ-что до сихъ поръ между ними не нашлось ни одного человѣка, который бы сознательно взглянулъ на прошлое и настоящее своего отечества, оцѣнилъ по достоинству степень процвѣтанія или упадка его, и не высказалъ какихъ-либо собственныхъ мыслей относительно правильнаго государственнаго устройства, не замѣтилъ уклоненій отъ этихъ *sui generis* политическихъ принциповъ въ строѣ своего государства, и не указалъ на причины этихъ уклоненій? Или-же, можетъ быть, между ними и были люди со смысломъ и съ знаніемъ дѣла, да не обращали на это никакаго вниманія, по отсутствію въ нихъ того общечеловѣческаго чувства, свойственнаго всѣмъ людямъ перешедшимъ изъ дикаго состоянія къ осѣдлому образу жизни, которое называется патриотизмомъ (آرزوی وطن) и въ которомъ, впрочемъ, наши публицисты также отказываютъ всѣмъ туркамъ поголовно? Словомъ, неужели это не народъ, а какое-то стадо барановъ, живущихъ на подножномъ кормѣ и нежелающихъ, даже неспособныхъ ни о чемъ думать? Вопросъ этотъ могъ бы быть рѣшенъ отрицательно уже однимъ фактомъ существованія политическаго завѣщанія оставленнаго покойнымъ Фуадъ-па-

¹⁾ Русскій Вѣстникъ, мартъ 1864 г., стр. 112.

шею нынѣ царствующему султану. Въ немъ мы видимъ воззваніе умнаго патріота, понимающаго безнадежное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе страны своей, и желающаго предъ смертью высказать тѣ завѣтныя мысли, къ осуществленію которыхъ онъ стремился при жизни, а именно—поставить Турцію, по внутреннему ея благоустройству, на одну ногу съ прочими цивилизованными государствами, ибо, иначе, грозитъ ей опасность отъ настоящаго неравенства ея съ ними въ этомъ отношеніи. Но еще есть сомнѣніе въ подлинности этого документа ¹⁾ столь важнаго для исторіи развитія турецко-магометанской мысли; а все сомнительное не имѣетъ силы авторитета, и потому фактъ этотъ не рѣшаетъ поставленнаго вопроса.

Во всякомъ случаѣ это было очень недавно, какихъ-нибудь три-четыре года тому назадъ, а между тѣмъ всякое государство слагается вѣками; оно много переживетъ перемѣнъ, покамѣстъ окончательно приметъ такой или иной видъ свой, т. е. пока изъ него или выработается здоровый и способный къ дальнѣйшему развитію общественный организмъ извѣстнаго типа, или же изъ массы первобытныхъ элементовъ его выродится какой-то недоносокъ, жизнь котораго будетъ лишь медленнымъ умира-

¹⁾ Текстъ завѣщанія этого былъ напечатанъ вскорѣ послѣ смерти верховнаго визиря въ 1869 году, въ издававшейся тогда въ Лондонѣ османской газетѣ ^{سیرة} «Свобода», а также въ константинопольской газетѣ «Манзуме», издающейся на турецкомъ языкѣ армянскимъ алфавитомъ. Съ содержаніемъ большей части его я ознакомился изъ армянской транскрипціи; полного же экземпляра его въ турецкомъ текстѣ мнѣ не удалось достать, хотя номера этого османскаго «Боловола» и присылались въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Небольшой отрывокъ этого завѣщанія, безъ ссылки на источникъ, приводитъ, г. Щербальскій въ вышеупомянутой статьѣ своей (Русск. Вѣст. 1870, январь, стр. 218), съ приличествующимъ случаю комментариемъ, въ оппозиціонномъ, конечно, духѣ.

ніемъ. Османское . государство переживаетъ уже шестое столѣтіе со времени своего основанія, и потому немислимо, чтобы раньше не обнаруживалось никакихъ признаковъ того порядка вещей, какой представляетъ современная Турція. А если такъ, то поставленный выше вопросъ остается во всей своей силѣ. Поэтому необходимо обратиться къ османскимъ литературнымъ памятникамъ прошлыхъ вѣковъ и въ нихъ поискать матеріала для разрѣшенія его, что и послужило предметомъ настоящей диссертациі, въ составъ которой должны войти:

1) обзоръ, оцѣнка и, частію, приведеніе, съ надлежащими объясненіями, памятниковъ, заключающихъ въ себѣ обсужденіе разстроеннаго положенія османскаго государства, явившихся въ ту эпоху когда особенно сильно стали замѣтны признаки этого расстройства;

2) подробное разсмотрѣніе сочиненія писателя XVII в. имя котораго поставлено въ оглавленіи настоящаго изслѣдованія, такъ какъ оно, по извѣстнымъ причинамъ, заслуживаетъ того, чтобы на него было обращено преимущественное предъ прочими вниманіе;

3) изложеніе политическихъ возрѣній османскихъ мыслителей, насколько эти возрѣнія выразились въ тѣхъ литературныхъ памятникахъ; и

4) указаніе ненормальностей, усмотрѣнныхъ ими въ устройствѣ собственнаго государства, равно какъ и обстоятельства, послужившихъ, по ихъ мнѣнію, главнымъ источникомъ того уродливаго порядка вещей который долженъ, въ концѣ концовъ, привести государство ихъ къ гибели.

I.

Какъ извѣстно, завершителемъ величія и могущества турецкой имперіи единогласно всѣми признается знаменитый султанъ Сулейманъ Великій (1520—1566) ¹⁾. Его побѣды сдѣлали имя его грознымъ по обѣ стороны Босфора въ предѣловъ его собственныхъ владѣній, а сохранившійся за нимъ въ исторіи титулъ законодателя—*فازونی*—свидѣтельствуетъ о его государственной дѣятельности внутри, выразившейся особенно въ томъ, что онъ далъ окончательную форму различнымъ учрежденіямъ, которымъ начало положено было еще его предшественниками, и что при немъ же сдѣлано было собраніе законоположеній, составляющихъ основу турецкой администраціи и юриспруденціи. Поэтическое творчество въ періодъ его царствованія было въ полномъ разгарѣ: самъ султанъ, оставляя повременамъ саблю, принимался за калямъ, чтобы писать стихи. Вся османская литература

¹⁾ Въ иныхъ книгахъ его считаютъ первымъ, въ другихъ же къ его имени приставляютъ римское два. Такая разница, могущая сбивать съ толку мало знакомыхъ съ политической исторіею Турціи, происходитъ оттого, что въ первомъ случаѣ не принимается въ расчетъ Сулейманъ, одинъ изъ трехъ сыновей Баязида I, властвовавшихъ во время междуцарствія 1402—1413 г., на томъ, должно быть, основаніи, что онъ правилъ не цѣлымъ османскимъ государствомъ, а только частью его. Сами турки называютъ его *ثانی* — вторымъ (Тарихи-Джеветъ, V, 187)

его времени носить характеръ панегиристическій: даже историческія произведенія, и тѣ, подобно похвальнымъ касыдамъ, направлены были къ одной и той же цѣли — прославленію доблестей Сулеймана, какъ славнѣйшаго потомка своихъ достохвалныхъ предковъ, составляющихъ, всовокупности, драгоценную цѣпь османской династіи.

Но этотъ внѣшній блескъ былъ непродолжителенъ. Едва только разнесся слухъ о смерти Сулеймана, какъ подвластные его державѣ владѣльцы Аравіи подняли знамя мятежа ¹⁾, захотѣвши сбросить съ себя иго подданства, подъ которымъ доселѣ ихъ удерживалъ лишь страхъ предъ воинственнымъ султаномъ. Такія государственныя несчастія, какъ уничтоженіе, почти всего огромнаго флота соединенными силами испаццевъ и венеціанъ въ битвѣ при Лепанто въ 1571 г. ²⁾; какъ истребленіе почти всей столицы семидневнымъ пожаромъ въ 1570 г. ³⁾, вмѣстѣ съ незавиднымъ экономическимъ положеніемъ страны, выражавшемся въ крайнемъ пониженіи курса османскихъ денегъ, въ постоянномъ возрастаніи дефицита, въ тягости непомерно увеличивавшихся налоговъ, въ самовольствѣ чиновниковъ, отъ притѣсненій которыхъ сельскій народъ бѣжалъ въ столицу, въ страшной дороговизнѣ предметовъ первой необходимости; ⁴⁾ вмѣстѣ съ недѣятельностью новыхъ султановъ, изъ которыхъ, напр., Селимъ II (1566—1574), выдумывалъ, сидя во внутреннихъ покояхъ сераля, несбыточныя предпріятія, въ родѣ соединенія каналомъ рѣки Дона съ Волгою, чтобы отправить чрезъ Каспійское море войска для покоренія Персіи ⁵⁾, или утѣшался чтеніемъ корана послѣ вышеупомянутаго пораженія его флота; а Мурадъ III (1574—1595) все занимался умноженіемъ своего потомства, въ чемъ и оказалъ блистательные успѣхи, оставивъ послѣ себя 102 человекъ дѣтей мужскаго и женскаго пола ⁶⁾,—все это были такого рода обстоя-

¹⁾ Cantimir, Histoire de l'empire othoman. Paris, 1743. Т. III, 4.

²⁾ Ibid., стр. 16.

³⁾ Кара-Челеби-Задэ, *Ревзетуль-Эбраръ*. Булак. изд. 1248 г. гиджры, стр. 449.

⁴⁾ Тарихи-Селяники. Рукоп. Азіатск. Музея, стр. 197 черво и слѣд.

⁵⁾ Loc. cit., стр. 92 recto; *Ревзетуль-Эбраръ*, 447.

⁶⁾ Ibid, стр. 476.

тельства, которыя дѣлали рѣзко замѣтною противоположность послѣдующихъ царствованій съ предшествовавшею, хоть и мишурно, но блестящею эпохою. Лишь только разсѣялся чадъ очарованія уснѣхами за предѣлами своего государства, османы стали осматриваться вокругъ себя, и нашли, что и внутри его дѣла далеко не въ блестящемъ положеніи; *алли калямъ*, т. е. люди образованные того времени, обыкновенно занимавшіе какія-нибудь официальные должности, и потому болѣе другихъ могшіе признавать плохія обстоятельства государства, относились критически къ нимъ, предвидѣли результаты и добивались до причинъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ началу XVII вѣка и далѣе, мы открываемъ цѣлую литературу въ этомъ направленіи, находимъ цѣлый рядъ османскихъ писателей, которые, въ общихъ и специальныхъ сочиненіяхъ своихъ, съ чувствомъ глубокаго огорченія изображаютъ печальное положеніе своего государства и выказываютъ горячую готовность, такъ или иначе, содѣйствовать къ поправкѣ его, предлагая, съ своей стороны, различныя мѣры къ пресѣченію дальнѣйшаго развитія зла, и къ предотвращенію его неминуемыхъ гибельныхъ послѣдствій. Какіе же именно были это писатели и что это за сочиненія?

Извѣстный ориенталистъ Дицъ; въ сборникѣ своемъ, названномъ имъ «*Denkwürdigkeiten von Asien*», помѣстилъ переводъ одного сочиненія Нишанджи Мустафы-паши, извѣстнаго подъ прозваніемъ Рамазанъ-Заде, государственнаго сановника при Сулейманѣ II. Статья эта, озаглавленная «Баязидъ II и Селимъ I какъ правители и какъ люди», есть лишь отрывокъ изъ исторіи того же автора: *کتاب سلیم نامه تواریخ نشاچی مصطفی چلبی الشهربر رمضان زاده*. Въ этомъ отрывкѣ авторъ, послѣ краткаго описанія безпорядковъ въ государственномъ управленіи, обнаружившихся въ концѣ царствованія Баязида II (1581—1512), приводитъ разговоръ, который происходилъ будто бы по этому поводу между султаномъ и его визириями, и былъ сообщенъ ему Пири-пашей, занимавшимъ въ ту пору должность дефтердаря Анатольской Нассы, въ слѣдующемъ видѣ:

«Разъ, говоритъ онъ, визири представлялись его высочайшей особѣ. Едва только мы явились, какъ замѣтили, что султанъ чѣмъ-то недоволенъ и гнѣвается. Онъ началъ укорять визирей,

да и говорить: Всевышній Богъ ввѣрилъ моея власти рабовъ своихъ; я знаю и твердо увѣренъ, что за все что бы ни случилось съ моими подданными я долженъ буду дать отчетъ въ день страшнаго суда. Я, въ свою очередь, выбралъ васъ и поручилъ всѣ свои дѣла вамъ. Такъ какъ, по волѣ Божіей, я хилъ и слабъ, то и не могу всего вѣдать самъ. А между тѣмъ до моего слуха дошло, что провинціи пришли въ упадокъ; что обычаи и установленія временъ моего отца совсѣмъ измѣнились и извратились; что вы не совѣтуетесь съ людьми знающими положеніе дѣлъ въ государствѣ, да и сами несвѣдущи и неопытны въ дѣлѣ управленія. Да и у кого, въ самомъ дѣлѣ, изучали вы обязанности визирскія? Кто были учителя ваши? Вы только хапаете взятки да подарки; по собственному произволу вы внесли въ мою Порту небывалыя учрежденія и новшества. Я слышу, что всѣ сипаги и подданные жалуются на разстройство государства и изнышленныя вами всякаго рода несправедливости и утѣсненія. Мнѣ не осталось мѣста для моего упокоенія въ вѣчности; какой я отвѣтъ дамъ Богу въ день страшнаго суда?! О, тяжко! Отчего вы беспечны? Зачѣмъ вы употребляете насилія?»

«Когда онъ держалъ къ нимъ такую строгую рѣчь, то каждый визирь отвѣчалъ, какъ умѣлъ, на это по правдѣ или привирая. Вообще много толковали. Наконецъ младшій визирь, по имени Месихъ-паша, весьма проницательный человекъ, встаетъ съ своего мѣста и говоритъ: «Ваше Величество, если вы изволите повелѣть, то я вамъ представлю нравы и качества вашихъ слугъ, визирей, такъ какъ они есть на самомъ дѣлѣ». Султанъ на это отвѣтилъ ему: «говори» ¹⁾. Получивши высочайшее соизволеніе, вотъ какъ Месихъ-паша расписалъ своихъ сослуживцевъ: «одинъ, говоритъ онъ, пьяница и сластолюбецъ: цѣлые дни и ночи проводить въ кутежахъ и развратѣ; другой—сребролюбецъ: продаетъ должности съ публичнаго торга; третій — непомѣрный охотникъ: никогда съ сѣдла не слѣзаетъ; все гоняется за дичью; а самъ я, продолжаетъ докладчикъ, человекъ больной, и потому въ упущеніяхъ какихъ-нибудь виновата слабость моего здоровья». Такъ-то, сказалъ Месихъ-паша въ заключеніе, государственныя

¹⁾ Denkwürdigkeiten von Asien. Berlin und Halle, 1815. T. II, 358.